

В поисках репертуара

Рижский тюз — первый театр для детей и юношества в Прибалтике, основанный по инициативе латышского комсомола в 1941 году. Две труппы — латышская и русская — все эти годы работают в ней как коллектив, сплоченный едиными творческими устремлениями.

В гастрольной афише — имена видных современных советских драматургов. А классическая литература представлена не только А. Островским и латышским национальным поэтом А. Чаком, но и такими «нерепертуарными» сегодня именами, как немецкий драматург Г. Клейста и итальянец С. Бенелли.

Отворимся сразу, названное рассчитано на старшую возрастную категорию тюзовского зрителя. Младшим адресованы произведения детской литературы: «Чукоккала» по стихам К. Чуковского, «Гуманоид в небе мчится» А. Хмелика и «Праздник ожидания» П. Путныньша — пьеса для детей и родителей.

Право и обязанность тюзов обращаться к большой литературе, к лучшим образцам классической и современной драматургии доказаны многолетней практикой. Но важно при этом разбираться, почему тюз ставит такую пьесу? Из соображений ложно понятого престижа, чтобы ни за что не уступить «взрослым» театрам? Или для того, чтобы с учетом особенностей своей аудитории сказать юному зрителю нечто очень важное?

«Летят журавли» — так называется спектакль, поставленный главным режиссером А. Шапиро по пьесе В. Розова «Вечно живые». Переключаясь с известным фильмом М. Калатозова звучит не только в названии, сам спектакль — переключаясь. На сцене — ровесники тех, кто сидит в зрительном зале, но за их долю выпало испытание войны, бедствием народным. Война обнажает человеческую суть каждого. Строгий и красивый спектакль поведает историю возмужавшей юной души, воскрешая в памяти тех, кто отдал свои жизни за мирное небо над нами.

Трудно и мучительно идет к осознанию себя, своего места в жизни поэт Александр Як — яркая и драматическая фигура в латышской литературе. Режиссер П. Петерсон вместе с автором инсценировки поэтом И. Зигдонисом, художником И. Блум-

бергсом и композитором Н. Калнынем стремятся передать на сцене причудливый мир поэта, в котором тесно сплелись реальные события и видения художника. Спектакль «Играй, музыкант!» подобен сложной музыкальной партитуре, ведущая тема которой — мятущееся сознание Чака — И. Скрастыньша, человека с обнаженным сердцем, остро переживающего глумлону обывательской толпы, страдания людей в период тяжелых испытаний, когда Рига попадает в руки фашистов. Атмосфера этого спектакля напоминает тревожный мир ранних стихов Вл. Маяковского. Кроваво сердца выстрадал народный латышский поэт свою дорогу к правде — его жизнь и творчество обрывают новый смысл в служении народу, революционным идеалам.

Отвественность нравственного выбора, важность первого шага, который человек совершает в юности, — вот главный предмет разговора, который последовательно ведет театр со зрителями всех возрастов. Так, испытанию на стойкость и верность мечте подвергается и подросток Вася Лопотухин, герой известной пьесы А. Хмелика «Гуманоид в небе мчится», поставленной А. Шапиро с русской труппой театра.

А пьеса П. Путныньша «Праздник ожидания» обращена к родителям, к их сложным взаимоотношениям с детьми. Перед нами — замкнутый мир двора, в котором играют дети. Играют и живут своей, порой непонятной взрослым жизнью. Спектакль волон доброго юмора. Чего стоит одна только сцена самодеятельного детского концерта — своеобразный психологический этюд на тему «родители и дети». Последние — все в ожидании праздника, они так волнуются перед выступлениями, что путаются и сбиваются. А мамы и папы так переполнены родительскими амбициями, что тоже походят на детей, во, увы, лишней непосредственности...

По мастерству исполнения самодеятельный концерт в названном спектакле — это как бы крошечная проекция «Чукоккалы», увлекательно-представления по стихам К. Чуковского.

Легко, ненавязчиво «Чукоккала» учит малышей искусству театра. Прошедший такую школу спектаклей для маленьких в Рижском тюзте старший зритель сможет оценить и графически четкую об-

разность «Принца Гомбургского» Г. Клейста, и изысканную стилистику «Рваного плаща» С. Бенелли.

Этот театр любит отправляться в малоизведанные драматургические земли. И не только от естественного желания новизны. В пьесах Г. Клейста и С. Бенелли главный режиссер упорно ищет романтического героя, мир сильных чувств в серьезных поступках — все то, без чего немислим юншеский театр.

Юный Принц — не традиционный романтический герой. В нем самом борются свобода и долг, любовь и расчет, трусость и благородство. Благодаря этому обстоятельству пьеса звучит свежо и актуально, а спектакль действительно насыщен страстями, которые, правда, явились скорее плодом «ума холодных наблюдений», чем «сердца горестных замет». Пожалуй, это именно тот случай, когда достоинство постановки — в данном случае ясность, прозрачность общего рисунка действия — переходит в его недостаток — оборачивается сухостью, чрезмерной жесткостью, мешающей даже в самые драматические моменты.

По законам романтического театра живет и поэт из пьесы С. Бенелли: Мы не знаем, кто он и откуда — юноша, прикинувший к братству «рваного плаща», которое слававшим стихам эстетов из «академии безупречных» противопоставляет поэзию улиц и площадей. В суматохе флорентийского карнавала герой живет серьезными чувствами — сочиняет настоящие стихи, беззаветно любит женщину и защищает обиженного. Ему одному в суждена смерть среди жестоких и мизантропных карнавалов и игр.

Этот спектакль завораживает своей красотой: звучат прекрасные стихи в переводе Д. Самойлова, декорации А. Фрейбергера и костюмы И. Лаурина искусно воспроизводят силуэты и краски эпохи Возрождения. Проникновенно играет поэт В. Запорожский. И все же трудно пережить происходящее на сцене всерьез. Затронув наши эстетические чувства, пьеса, а вслед за ней спектакль не ведет дальше, к самому главному — к острому сопереживанию герою. Мы лишь с грустью констатируем, что поэт пришел из «ниоткуда» и ушел «в никуда».

Так или иначе, тема поэзии, артистизма, взаимоотношений художника с миром

звучит во всех работах рижан, показанных на гастролях. Самые сильные сцены спектакля «Лес» А. Островского — недавней премьеры театра (постановка А. Шапиро в латышской труппе) — открытия романтической природы актера Геннадия Несчастливцева — У. Пудитиса. Режиссер и художник С. Бархин вводят нас в атмосферу наивного провинциального театра, в котором большинство обитателей дома Гурмыжской лишь имитируют добродетели. На деле же их чувства бутафорски фальшивы и этим смешны. Порой чересчур смешны, как, например, в сцене свидания Улиты и Аркашки Счастливецца в бане, где автором спектакля явно изменяет чувство меры. Но трагик Несчастливцев поет вопреки всему свой гимн во славу красоты души, которая чужда мелкой выгоде, во славу истинной любви к людям и верности театру подлинных страстей.

А. Зайце и Э. Лиспильш, И. Федорова и В. Запорожский, В. Сингаевская и Д. Купле, С. Юдин и А. Жуков — трудно перечислить всех актеров, чьи работы наверняка запомнятся москвичам, как в декорации главного художника театра А. Фрейбергера, художников И. Блумберга, А. Орлова.

Классическая литература — это тот «огонь, мерцающий в сосуде», без которого не может существовать настоящий юншеский театр. Но для полноценного существования театру необходим и другой жизненный источник — современная драматургия, пьесы, в которых бьется пульс сегодняшнего дня. Недостаток такого рода пьес в репертуаре театра, конечно, ничем невосполним. Обращаясь к современной пьесе, театр познается на иной, более высокий уровень гражданского темперамента. И это самое ценное. Мы почувствовали это на спектакле «Победительница» — пьеса А. Арбузова, право первой постановки которой драматург предоставил Рижскому тюзте. Но хотелось бы увидеть в воплощении талантливого коллектива больше пьес, в которых действуют не только ровесники, но и современники юных зрителей, и говорят они их языком, и бьются над решением их сегодняшних, наболевших проблем.

Н. КАМИНСКАЯ.